

рой осуществляется поиск искомого видеоматериала.

Когнитивная служба API поиска в вебе осуществляется с использованием различных фильтров, производит поиск нужной информации в вебе. При этом, когнитивная служба предоставляет список схожих запросов для искомых ключевых слов.

Весьма продуктивной для построения терминологического словаря представляется когнитивная служба API индивидуализированного поиска, которая выполняет поиск информации на основе пользовательского запроса по конкретной теме, с возможностью применения локализованного списка по одному или ряду веб-сайтов.

Анализ использования вышеперечисленных когнитивных компьютерных служб позволяет сделать вывод о том, что современные компьютерные технологии в значительной степени помогают творчески подойти к решению задачи построения индивидуализированных профессионально направленных терминологических словарей исходя из потребностей каждого специалиста в разных предметных областях с целью их эффективного использования в профессиональной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Макаревич И. И. Когнитивный подход к изучению терминосистемы государственного управления// Учитель, ученик, учебник. 25–26 мая 2016 г. МГУ им. М. В. Ломоносова / отв. ред. И.Л. Лебедева. Москва : КДУ, Университетская книга, 2016. Т. 2. С. 90–97.
2. Макаревич Т. И. Интеллектуальный анализ текстовой информации в специализированных областях в системе электронного правительства // Цифровая трансформация. 2019. № 2 (7). С. 46–52.
3. Патак Нишит. Искусственный интеллект для .Net : речь, язык и поиск. М. : ДМК Пресс, 2018.

ОПЕРАТИВНАЯ ДИДАКТИКА СЕМАНТИКИ В МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

A. N. Овчинникова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ovchinnikova@bsu.by*

В статье излагаются праксеологические основания для организации лингвистического обеспечения русского языка как иностранного. Реализация семантики языковых знаков в субъектно-предикатных структурах представляет актуальный аспект лингводидактики. Обращение к методологии изучения китайского языка используется для уточнения категориальных значений частей речи. В традиционной русской грамматике части речи выделяются на основании семантического, морфологического, синтаксического, словообразовательного и валентностного принципов. Применительно к китайскому языку вопрос о выделении двух частей языка, обозначающих, соответственно, индивид и признак индивида, рассматривается в аспекте комбинаторной семантики А. Н. Гордея. Предлагается альтернативный (семантико-синтаксический) подход к определению категориального значения частей речи.

Ключевые слова: категориальное значение; субстанция; часть речи; комбинаторная семантика; дидактика семантики; русский язык как иностранный

OPERATIONAL DIDACTICS OF SEMANTICS IN THE METHODOLOGY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

A. N. Ovchinnikova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article sets out the practical basis for organizing the linguistic support of the Russian language as a foreign one. The implementation of the semantics of linguistic signs in subject-predicate structures represents an actual aspect of linguodidactics. An appeal to the methodology of learning the Chinese language is used to clarify the categorical meanings of parts of speech. In traditional Russian grammar, parts of speech are distinguished on the basis of semantic, morphological, syntactic, word-formation and valency principles. In relation to the Chinese language, the question of distinguishing two parts of the language, denoting, respectively, the individual and the attribute of the individual, is considered in the aspect of the combinatorial semantics of A. N. Gordey. An alternative (semantic-syntactic) approach to determining the categorical meaning of parts of speech is proposed.

Keywords: categorical meaning, substance, part of speech, combinatory semantics, operational didactics; Russian as a foreign language.

Вопрос о категориях восприятия и анализа информации при обучении иностранным языкам непосредственно связан с решением вопроса о частеречной принадлежности языкового знака. Научная традиция категоризировать, объединять в классы, виды, роды кажущиеся однородными простейшие формы действительности, которые в процессе познания становятся формами и объектами этого познания, восходит к 10 категориям Аристотеля: *сущность, количество, качество, отношение, место, время, действие, страдание, обладание, самонахождение, положение*.

В связи с актуализацией «сущностного» подхода к категориям познания, нами ставится вопрос о таком категориальном значении части речи, как *субстанция*. Б. Рассел считал саму категорию субстанции метафизической ошибкой, которая возникла в результате переноса в структуру мира субъектно-предикатной структуры предложения. *Сущность* – это вопрос о том, как употреблять слова. Одно и тоже имя может означать совершенно разные явления, которые рассматриваются как проявления одного и того же порядка [1].

Онтологически первичными признаются предметные сущности, вторичными – их признаки (свойства и отношения). Как результат абстракции, отвлечения от предметов признак не существует самостоятельно и связан в сознании носителя языка с понятием о предмете – носителе данного признака [2].

Согласно *семантическому* принципу, в традиционной теории частей речи, имя существительное обозначает предмет (в узком понимании) или выражает категориальное значение *предметности как субстанции* (в широком понимании) (*человек; море; любовь; красота; тишина; движение*); имя прилагательное обозначает признак предмета или предметной субстанции (*красивый человек; море тихо; любовь прекрасна; вечная красота; быстрое движение*); глагол обозначает действие предмета или предметной субстанции (*любить, двигаться*). Категориальные значения имеют *морфологические и синтаксические* показатели (грамматические значения и роль членов предложения), определенные способы словообразования (словообразовательный принцип) и правила сочетаемости (валентностный) [3].

Семантический принцип на первое место при характеристике частей речи ставит лексическое значение. Он может быть применен и при решении частных задач лингвистического анализа. Так, исходя из того факта, что существительное, прилагательное и глагол обозначают, соответственно, предмет, признак и действие, в словообразовательных парах *синий – синь*, *выходить – выход* производящими следует считать прилагательное (*синий*) и глагол (*выходить*). В словообразовательной цепочке *красный – краснеть – покраснеть – покраснение* производящим также выступает прилагательное (*красный*). Однако носителями китайского языка пара *красный – краснота* воспринимается как одна часть речи – прилагательное, пара *краснеть – покраснение* воспринимается как одна часть речи – глагол. Семантически языковые знаки *краснота* (*свойство, признак красного*) и *покраснение* (*свойство, признак того, что покраснело*) не определяются как имена существительные.

Элементарные правила семантического преобразования языковых знаков проявляют себя в китайских иероглифах с семантикой движения. Например: 活 huó *живой; жить* и 动 dòng *двигаться; шевелиться (шевеление); двигать кого-что; шевелить кого-что*. В русском языке слова *жизнь, движение, шевеление* – имена существительные, *жить, двигать, двигаться, шевелиться* – глаголы. Семантика китайских иероглифов реализуется в бинарной комбинаторике и процессуальная семантика не может быть определена как предметная. Например:

动 dòng [4, с. 206-207]: **动力** dònghì *движущая сила; энергия*; букв. «двигать силу»; **动火** dònghuǒ *горячиться, сердиться*; букв. «двигать огонь»; **动气** dònqì *сердиться*; букв. «двигать воздух»; **动身** dònghshēn *отправиться (собраться, двинуться, тронуться) в путь (в дорогу)*; букв. «двигать (перемещать) тело»; **动人** dòngrén *волнующий, трогательный, проникновенный (волнительность, трогательность, проникновенность)*; букв. «двигать человека».

活 huó [4, с. 393-394]: **活动** huódòng *двигаться (движение)*; букв. «живое движение»; **活气** huóqì *оживление; живая (оживленная атмосфера)*; букв. «живой газ»; **活火** huóhuǒ *[пылающий] огонь*; букв. «живой огонь»; **活水** huóshuǐ *проточная вода*; букв. «живая вода»; **活化** huóhuà *активизация; активация*; букв. «живое превращение»; **活人** huógrén *живой человек*.

Применительно к методологии изучения китайского языка [3], традиционный морфологический подход к семантике языковых знаков представляет серьезную лингводидактическую проблему.

В связи с тем, что стратегии категоризации входят в стратегии смыслового восприятия [5], содержание понятий *субстанция, предметность* нуждается в уточнении оперативной дидактики – способности быстро и адекватно определить языковое явление и его категориальный статус.

А. Н. Гордей указывает на существование реальной необходимости выработать единые основания разграничения знаков, выступающих в роли членов предложения [6, с. 173–174]. Альтернативная теория ориентирована на **содержание знака (стереотип)**. Для описания системы языка с помощью языка (а лишь описав язык, мы может приступить к декодированию модели мира) достаточно **двух семантических категорий – индивид и признак ин-**

дивида и, соответственно, **двух частей языка – тайген и ёген**. Понимание **модели мира** возможно благодаря универсальным категориям языка, или абсолютным универсалиям знаковых систем, которые понятны всем носителям языка без исключения [7].

В *комбинаторной семантике* [8] принято использовать определение знаков согласно китайской и японской лингвистической традиции. **Части языка** – это подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением. **Тайген**(японск. ‘стабильное слово’) – часть языка, обозначающая индивид (*стол, сто, сотня, мы, это и др.*); **ёген** (японск. ‘подвижное слово’) – часть языка, обозначающая признак индивида (*бег, бежать, синий, смело*).

Индивид и признак индивида – универсальные семантические категории. **Индивид** – разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте мира. **Признак индивида** – разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира или процесса (акции), в котором эта сущность участвует. Свойство – *постоянный* признак индивида. Процесс – *переменный* признак индивида. В структуре предложения части языка обеспечивают *магистраль китайского синтаксиса* **Тайген – Ёген – Тайген**. Тайгены могут выступать только в маргинальных позициях (S и O), ёгены во всех позициях (S, A, O) [8].

Традиционно семантико-синтаксический статус подлежащего определяется двумя функциями: номинативной и коммуникативной. Подлежащим могут оформляться не только значение деятеля, но и значения объекта прямого воздействия, инструмента, адресата действия, признака и т.д. Сравним: *Петя сбил яблоко ударом камня* (в позицию подлежащего выводится значение деятеля) / *Яблоко сбито ударом камня* (подлежащим оформлен объект прямого воздействия) / *Камень Пети сбил яблоко* (подлежащим оформлен инструментальный актант) / *Удар камня сбил яблоко* (подлежащим оформлено действие) [9, с. 303].

Возникновение неодушевленного подлежащего является следствием проникновения в грамматический строй предложения так называемого анимизма, характерного для древних цивилизаций приписывания неодушевленным объектам свойств живых существ (лиц, животных) [10, с. 61].

Коммуникативная функция подлежащего обусловлена тем, что обозначаемый им смысл интерпретируется в семантической структуре предложения как исходное звено мысли. Коммуникативная функция подлежащего связана с «принципами выбора субъекта» [11, с. 499]. Как отмечал В. Г. Гак, «в организации предложений взаимодействуют три аспекта: форма выражения (морфология, формальный порядок слов, составляющие «одежду мысли»), форма содержания (структурный синтаксис, отображающий иерархические отношения между словами; Л. Теньер сопоставляет его с внутренней формой языка у В. Гумбольдта), субстанция содержания – семантика в собственном смысле слова» [12, с. 9–10].

В качестве методологической основы решения проблем лингвистического обеспечения теории частей речи в аспекте преподавания русского языка как иностранного и разработки дидактики семантики [13] мы опираемся на практический феномен Т. Котарбинского [14], обозначенный В. В. Мартыновым средствами УСК-представления как $((XY)Z)W$ – «агент дей-

ствия посредством инструмента действия (осуществляет некоторую цель), создает продукт труда» [15].

Уточненный вариант теории семантического кодирования был предложен А. Н. Гордеем. В уточненной им семантической модели мира непосредственным инициатором процесса является Ядро X, которое выступает в роли *субъекта действия* (S). Оболочка предмета Y, на которую направлено действие, выполняет роль *объекта* (O), Оболочка ядра X, при помощи которой осуществляется действие выполняет роль *инструмента* (I), Среда предмета Y, через которую осуществляется действие, выполняет роль *медиатора* – посредника действия (M) [16, с. 22].

Установление главных ролей частей языка в предложении *Субъект-Инструмент-Акция-Объект-Медиатор* (SIAMO) и введение их в теорию и методику преподавания русского языка как иностранного позволит оперативно решить проблемы, связанные с противоречиями в представлении категориальных значений частей речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Колесников А. С. Место философии Г. Лейбница в становлении философии Б. Рассела // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2017. № 4. С. 19–33.
2. Филатова А. С. Метафора как комбинаторно-семантическая и валентностная проблема (на материале современного английского языка). СПб., 2004.
3. Гордей А. Н., Овчинникова А. Н. Методология изучения китайского языка с опорой на универсальные семантические категории // Третья чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова. Минск : РИВШ, 2009. С. 53–64.
4. Китайско-русский словарь. 汉俄词典. HAN-E CIDIAN. Пекин : Шанхай иншугуань, 1992.
5. Лебединский С. И. Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи. Минск : БГУ, 2019.
6. Гордей А. Н. Парадигма частей языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно : ГрГУ, 2003. С. 173–179.
7. Гордей А. Н. Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова: сб. материалов. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. С. 19–24.
8. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Гродно : ГрГУ, 2005. С. 32–35.
9. Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 259–343.
10. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. М. : Прогресс, 1983.
11. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М. : Прогресс, 1981. С. 369–495.
12. Гак В. Г. Вступительная статья // Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс.
13. Овчинникова А. Н. Дидактика семантики в праксеологическом аспекте преподавания иностранных языков // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. С. 179–180.
14. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М. : Издательство «Экономика», 1975.
15. Мартынов В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Минск : ЕГУ, 2001.
16. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск : Белгосуниверситет, 1998.